

Майкл

**Что есть Добро,
а что есть Зло**

Терри

16+

Майкл Терри

Что есть добро, а что есть зло

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57980383

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-92998-2

Аннотация

Глория Хай, воспитанница одной из школ, существующих на средства Церкви, и усомнившаяся в существовании Бога после смерти лучшей подруги, вступает в открытое противостояние с мистером Хьюманом, директором и глубоко убежденным христианином. Кто выйдет победителем из схватки, в которой каждый считает себя правым?

Содержание

Пролог	4
20 декабря 1916 года	8
1	8
2	15
21 декабря 1916 года	17
1	17
2	20
3	25
4	30
5	33
6	35
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Майкл Терри

Что есть добро, а что есть зло

Пролог

Шотландия – прекрасная северная страна, известная всему миру несметным количеством старинных замков, изысканным виски, озером Лох-Несс, в котором, якобы, водится таинственное, неизвестное науке животное, но это далеко не полный список того, чем могут гордиться шотландцы.

Именно Шотландия дала миру Чарльза Макинтоша – великого архитектора, художника и дизайнера, который разработал особый декоративный стиль в архитектуре, а кроме того, изобрел обыкновенный дождевик, ставший сегодня очень популярным атрибутом одежды.

Именно Шотландия явила миру Джеймса Клерка Маршалла – гениального физика, который заложил основы современной классической электродинамики и разработал принцип цветной фотографии.

Именно Шотландия подарила миру Александра Белла – прекрасного ученого и изобретателя, основоположника телефонии.

Еще один шотландский Александр по фамилии Флеминг – выдающийся микробиолог, создатель пенициллина.

Очередной Александр, на этот раз Бейн – шотландец, представивший человечеству первые в мире электрические часы, великолепный изобретатель и техник.

Джон Бэрд, шотландец, создатель первой в мире телевизионной системы.

Еще один Джон по фамилии Непер – весьма талантливый шотландский математик и астроном, прославившийся тем, что изобрел логарифмы.

Великие писатели, навечно вписанные в учебники мировой литературы, Вальтер Скотт и Артур Конан Дойл тоже были шотландцами.

Именно в столице Шотландии – Эдинбурге, появилась первая в мире пожарная охрана, и именно Шотландия является родиной гольфа, в который там начали играть еще в далеком шестнадцатом веке.

Это далеко не полный перечень людей и событий, которыми гордится эта маленькая страна, населенная всего лишь пятью миллионами человек, но, несмотря на столь впечатляющий список, шотландцы по сей день остаются одним из самых консервативных народов цивилизованного мира, для которых религия и вековые традиции играют очень важную роль.

На протяжении столетий в Шотландии существовали специальные закрытые школы с суровыми порядками и желез-

ной дисциплиной, в которых дети, оторванные от семьи по различным причинам, жили до своего совершеннолетия и получали там образование. Такие школы организовывались, в основном, при храмах и монастырях, поэтому щедро спонсировались Католической Церковью. На дворе уже всюю хозяйничал двадцатый век, и, несмотря на то, что Европа полыхала в огне Первой мировой войны, лошадей на улицах городов активно начали вытеснять первые автомобили и прочие атрибуты современной жизни, а влияние Церкви на жизнь общества неуклонно снижалось. Прогресс, безусловно, не обходил стороной Британскую Империю в целом и Шотландию в частности, поэтому к тому времени подобных школ практически не осталось за их ненужностью, но, все же, они еще не исчезли полностью с лица земли, прячась подале от больших городов и существуя на средства Святого Престола.

История, которую я хочу вам рассказать, произошла в одной из таких школ. Основанная в середине восемнадцатого века, она находилась на самом севере Шотландии – небольшом равнинном острове Аспен, высокие берега которого на протяжении многих миллионов лет хлещут безжалостные волны Северного моря. От основной части Шотландии остров, покрытый осиновыми и дубовыми рощами, отделен узким проливом не более двухсот метров шириной. Лето в этих местах короткое и прохладное, а зимы, наоборот, длинные и снежные, с частыми заморозками, даже несмотря

на близость теплого океанического течения Гольфстрим. В этой школе жили и учились девочки, но не просто девочки, по собственной воле оказавшиеся здесь, на краю света. Юные беспризорницы, промышлявшие воровством на улицах Глазго и Эдинбурга, малолетние жрицы любви, ищущие легких денег, несовершеннолетние бродяжки, отловленные в переулках и портах, забеременевшие в детском возрасте вне законного брака, от которых отrekliсь родители со старомодными взглядами, не желавшие позорить свой благородный род. Кстати, дети таких «мамаш» тоже появлялись на свет в стенах этой школы и сразу же после рождения изымались у несостоявшейся родительницы, отправляясь в приюты для сирот по всей Британской империи. Может, кому-то из них повезло и малышка усыновила какая-нибудь порядочная бездетная семья, кто знает...

В общем, в этой школе проживали, получали образование и перевоспитывались не самые лучшие представительницы женского пола Шотландии. События, описанные в повести, окончились в день празднования Рождества, а начались за пять дней до этого со смерти одной из воспитанниц.

20 декабря 1916 года

1

Директор школы мистер Белони Хьюман подошел к металлическому столу и с интересом посмотрел на обнаженный труп девушки, а в его взгляде читалось абсолютное удовлетворение, словно он в очередной раз доказал миру свою правоту. Скорее всего, он с самого начала был уверен в том, что все окончится именно так.

– Сюзанна Вермонт, – одобрительно покачал он головой и склонился над ее, полным страдания, лицом, навсегда застывшем в предсмертной агонии. – Не могу сказать, что удивлен такому исходу.

– Ее сердце не выдержало, – глухим голосом отозвался доктор Ковард, направляясь к чугунной раковине, расположенной в дальнем углу просторного медицинского кабинета, освещенного несколькими тусклыми свечами, и принялся тщательно мыть руки. – А кроме того, она потеряла очень много крови. Я сделал все, что было в моих силах, но... Увы, я оказался бессилен ей помочь...

– Вы не должны винить себя, доктор, – твердо ответил Хьюман, обходя изголовье стола и с наслаждением разглядывая бездыханное тело, а в его глазах светилось торжество. –

Господь в своей бесконечной мудрости устал от бесполезных попыток наставить эту грешницу на путь истинный и решил покончить с ее жалкой жизнью.

– Да, но...

– В этом не может быть никаких сомнений, – оборвал он Коварда тоном человека, который ни на секунду не сомневался в том, что абсолютно прав. Неуверенность, явно, была ему чуждым качеством. – Это воля Всевышнего, следовательно, вам не о чем переживать. Скорее, наоборот! Вы, как и я, должны возрадоваться тому, что на этой грешной земле стало одной блудницей меньше, а Божьего помысла больше.

– Не сомневаюсь, – ответил Ковард неуверенным голосом, чувствуя, что у него нет желания радоваться. – Но...

Он замолчал, закрыл воду, вытер руки, а потом вернулся к столу и, стараясь не смотреть на лицо покойной, которая еще сегодня утром была полна сил и энергии, и, явно, не собиралась умирать, оглядел ее тело. Она лежала на спине и поэтому сейчас ему не было видно страшных рубцов и содранной до кости плоти, что случилось благодаря тонкой кожаной плетке с металлическими шипами, которой Хьюман истязал девочку, изгоняя из несчастной Дьявола.

– ...Ей было всего шестнадцать лет, – наконец закончил Ковард фразу.

– Все мы смертны, доктор, – все так же самоуверенно отозвался Хьюман, не в силах скрыть победную улыбку. – Кто-то чуть раньше, кто-то чуть позже. Нам остается только наде-

яться на то, что эта несчастная успела покаяться перед тем, как испустила дух, и тогда Господь примет ее душу!

– А если не успела? – испуганно спросил Ковард, подняв на Хьюмана взволнованный взгляд.

– А если не успела, то ее уделом будут вечные муки Ада, – торжественно закончил Хьюман. – Ибо Всевышний не ждет в своем царстве тех, кто свернул с пути Истины! – он снова оглядел покойницу и добавил довольным голосом. – Смерть этой эдинбургской потаскухи, продававшей свое тело пьяным матросам, послужит хорошим уроком для остальных грешниц. Увидев эту дьявольскую гримасу, они быстрее поймут, что их единственный путь – это скромность, умеренность и сдержанность...

– Но ведь... Она была еще совсем ребенком... Разве вам не жаль ее?

– Эх, доктор, – презрительно усмехнулся Хьюман. – Вы находитесь в нашем заведении всего лишь третий месяц, поэтому так остро реагируете на смерть обычной блудницы, опозорившей не только христианский род, но и всех женщин мира! Эта тварь не была ребенком! Разве ребенок будет заниматься проституцией?

– Быть может, ее толкнула на это жизнь? – робко спросил Ковард, боясь смотреть в пронзительные глаза Хьюмана.

– А почему жизнь не толкнула ее на то, чтобы пойти в подмастерья к какой-нибудь швее или закройщице? – громко возразил Хьюман. – В конце концов, она бы могла зарабо-

тывать на жизнь мытьем полов, но нет! Плутовка была уверена в том, что труд – удел неудачников и решила пойти по легкому пути! Именно таким образом Зло поразило ее душу! В плоти этой, с виду миловидной девушки, текла кровь распутницы, поддавшейся соблазну и забывшей, что такое женская честь и целомудрие! – он замолчал, выровнял дыхание, а потом добавил спокойным голосом. – Кроме того, в последнее время она совсем распоясалась и даже заявляла остальным девочкам, что видела в стенах школы привидение Аниты Бауэр. Вы представляете себе эту неслыханную дерзость и языческий вздор?

– Кто такая эта Анита Бауэр? – не понял Ковард.

– Еще одна шлюха, умершая в конце мая, – брезгливо ответил Хьюман и раздраженно махнул рукой. – Это дело прошлое! Но заявлять в стенах моей школы, что здесь бродят неуспокоенные души умерших блудниц, да еще и пытаться убедить в этом остальных воспитанниц – непростительная ошибка! Это место, – он указал вытянутым пальцем на потолок, – свято! Здесь не должны звучать подобные богохульные речи! Смутьянка и бунтарка, а кроме того, продажная шлюха, вот, кем была Сюзанна Вермонт, а вы говорите – ребенок!

– А как вы думаете, сэр, – осторожно начал Ковард, стараясь подобрать слова так, чтобы не разозлить Хьюмана. – Она могла, действительно, увидеть эту самую Аниту Бауэр? Хьюман посмотрел на него, как на идиота, а потом произ-

нес немного удивленным голосом:

– Вы, человек науки, спрашиваете меня об этом?

– Я... – замялся Ковард, и его глаза забегали по сторонам, словно он искал, где бы спрятаться. – Я просто... Хм... Я хотел...

– Привидений не существует в нашем мире, мистер Ковард, – медленно и членораздельно произнес Хьюман голосом, не терпящим возражений. – Душа праведника возносится на небо, душа грешника падает в Ад, но в нашем мире им делать нечего, поэтому все разговоры об этом – богохульство. Менее четырех столетий назад вы оказались бы на костре за то, что задали мне этот провокационный вопрос.

– Я... – Ковард, ясно представивший себе, как живьем горит на инквизиторском костре, поежился и испуганно добавил. – Простите. Я, наверное, неправильно выразился... Я имел в виду, что вполне допускаю, что Сюзанне Вермонт могло показаться, что она видела привидение Аниты Бауэр... Это очень тонкий вопрос, касающийся неокрепшей психики впечатлительных подростков и...

– Чушь! Неокрепшая психика впечатлительной девочки не мешала ей быть портовой шлюхой! – Хьюман многозначительно посмотрел на доктора и добавил. – Наша задача, как наставников девочек, любыми силами вернуть их на правильный путь и спасти их грешные души, пока не стало слишком поздно. Но если кто-то из них, одержимый Дьяволом, противится этому, то ее дорога лежит, не иначе, как

прямым в Ад. Подумайте об этом, доктор.

– Я обязательно сделаю правильные выводы, – пообещал Ковард с самым честным лицом, хотя в глубине души очередной раз усомнился в душевном здоровье этого фанатичного безумца.

Хьюман, не проронив больше ни слова, направился к выходу, но остановился в дверном проеме и, обернувшись, произнес:

– Оформите должным образом все бумаги, касательно ее смерти, да так, чтобы комар носа не подточил.

– О, да, – встрепенулся Ковард и спешно закивал головой. – Не беспокойтесь, сэр! Все будет сделано в лучшем виде!

Оставшись в одиночестве, он с облегчением выдохнул, достал из кармана мятый, выдавший виды носовой платок и вытер со лба липкий пот, а потом снова вспомнил, как слышал душераздирающие крики Сюзанны Вермонт, доносившиеся из кабинета Хьюмана, как потом они прекратились, как этот монстр вызвал его, как он склонился над истерзанным телом умирающей девочки, в глазах которой стояла боль, обреченность, нечеловеческая мука, и с трудом нащупал слабый пульс, как перетащил ее, истекающую кровью в свой кабинет и с ужасом оглядел превращенную в кровавое месиво спину...

Все еще не в силах посмотреть в мертвые глаза Сюзанны Вермонт, Ковард отвернулся к стене, крепко зажмурил веки

и прошептал:

– Прости... Я пытался сделать все, что было в моих силах, но... Оказался бессилён. Прости...

Сидя в своей комнате поздно вечером и периодически поднимая задумчивые глаза на мерцающий огонек единственной свечи, стоящей на столе и разбавляющей густую темноту, Ковард занимался тем же самым, чем и каждую предыдущую ночь. Для него это стало своеобразным ритуалом – писать письмо на имя главного полицейского Шотландии, в котором он открыто указывал, что ему отвратительны методы воспитания сэра Белони Хьюмана, недопустимые в границах Британской Империи, которые обязательно должны заинтересовать компетентные органы, для того, чтобы этот ублюдок, прикрывающийся именем Господа, получил по заслугам. Он писал, что на руках этого изверга кровь, а кроме того, добавил, что последняя его жертва – Сюзанна Вермонт, скончалась не от сердечного приступа, а от побоев и потери крови, и проклинал себя за соучастие в преступлении. Он называл Хьюмана убийцей и безумцем, а потом, подписав письмо, поставил сегодняшнюю дату и...

Сжег его над свечой, обреченно рассматривая, как языки пламени скручивают белый листок, мгновенно превращая его в хрупкий черный уголек. Ковард знал, что не сможет отправить это письмо ни при каких обстоятельствах, потому что в таком случае, Хьюман обязательно потащит его на виселицу сразу вслед за собой. Возможно, если бы Ковард был

более храбрым и отчаянным человеком, готовым к риску, он бы не сжег письмо, но... Ковард был всего лишь Ковардом.

Отложив перо, он вздохнул и посмотрел на трепыхающийся комок пепла, оставшегося от тонкого белоснежного листа, осознавая с грустью, что у него нет выхода из сложившейся ситуации. Он прекрасно знал, что завтра вечером напишет очередное письмо и снова сожжет его. И это повторится и послезавтра, и послепослезавтра, до тех пор, пока смерть не наложит на него руки, и он сам, подобно этому листку, не будет вечно гореть в аду за свою трусость.

21 декабря 1916 года

1

– Итак, девочки, – торжественно объявил Хьюман следующим утром, собрав воспитанниц в актовом зале, где на металлическом столе, который доктор Ковард перекатил из своего кабинета, покоилось тело Сюзанны Вермонт, по самую шею укрытое плотным войлочным покрывалом. – Мы все – свидетели печальной, незавидной судьбы, которая ждет любую из вас, кто откажется вернуться на истинный путь и покаяться в своих грехах. Подойдите поближе и посмотрите на лицо этой несчастной... Ну же! – прикрикнул он, хлопнув в ладоши. – Шевелитесь!.. Обратите внимание на перекошенное злобой выражение ее лица. Именно так выглядит смерть грешницы.

Коварду очень захотелось вставить слово и добавить, что именно так выглядит смерть забитой кнутом несовершеннолетней девочки, но он, посмотрев украдкой на невозмутимое лицо миссис Айренстоун, преподавательницы естественных наук, которая находилась здесь же, промолчал, покрепче сжав свои тонкие губы.

Девушки, которых было около тридцати пяти человек, взявшись за руки, нерешительно сомкнули круг вокруг ло-

жа Сюзанны и с благоговейным ужасом принялись рассматривать тело своей подруги, которая еще вчера в обед казалась им живее всех живых. Ковард внимательно оглядел лица воспитанниц. У некоторых в глазах стояли слезы, а кто-то ликовал украдкой – видимо, покойная ладила не со всеми.

– Смотрите на нее внимательно, – продолжил Хьюман с усмешкой, – и молитесь тому, чтобы ваши души были сильнее, чем душа этой несчастной, которая не смогла воспротивиться Искушению!

Одна из девушек ахнула и сделала шаг назад, а затем закрыла лицо руками, словно была поражена увиденным до глубины сознания.

– Не следует прятать взгляд, мисс Роббинс, – твердым, уверенным голосом произнес Хьюман и строго посмотрел на Китти, четырнадцатилетнюю беременную худышку с наивным взглядом и белыми кудряшками на голове, которая прибыла в школу меньше трех месяцев назад. – Немедленно откройте лицо! Вам страшно смотреть на покойника?

– Нет, мистер Хьюман... Я просто... – сглотнула Китти сухой ком в горле и, с ужасом уставившись на мертвое лицо Сюзанны, замолчала.

– Не нужно опасаться покойника, мисс Роббинс, ибо, как учит нас Христианство, смерть человека – естественный конец его жизни, а что естественно, то не безобразно. Опасайтесь только одного – умереть, не раскаявшись, как эта несчастная! Любая из вас, впустившая Дьявола в свою душу,

закончит так же, как Сюзанна Вермонт, если не в стенах этой школы, то очень скоро после ее окончания!

Он продолжал строго смотреть на Китти Роббинс, дрожащую от вида мертвого тела, а потом перевел взгляд на ее ближайшую подругу Глорию Хай, которая стояла рядом, и она, в отличие от Китти, была собранной, очень серьезной, и на ее лице не дрожал ни один мускул. Слегка нахмурившись, она с мрачным взглядом смотрела на тело Сюзанны.

Интересно, что связывает эту полоумную дурочку Китти Роббинс, пугающуюся даже собственной тени с этой, несомненно, сильной характером и всегда имеющей свое мнение выскочкой Глорией Хай, мелькнула в голове Хьюмана мысль, почему они все время таскаются вместе, словно не разлей вода?

2

– И вы не заметили ничего подозрительного в поведении ни у одной из воспитанниц? – спросил Хьюман Коварда и миссис Айренстоун, когда девушки покинули актовый зал и они остались втроем. – Совсем-совсем?

– Ни в коем случае, – честно ответил доктор. – Но мне кажется, девочки были потрясены увиденным...

– Знаете, в чем мы с вами похожи? – усмехнулся, презрительно посмотрев на него, Хьюман. – Мы оба врачи, только вы лечите тело человека, а я лечу его душу. Именно поэтому я вижу насквозь каждую из этих блудниц и без труда читаю мысли любой из них. Поведение одной из девочек мне очень не понравилось... А вы, миссис Айренстоун, не заметили ничего подозрительного? – он перевел на нее вопросительный взгляд, но она лишь отрицательно махнула головой из стороны в сторону и на ее лице не шевельнулась ни одна прожилка.

– Неужели я единственный из вас, кого Господь наградил зрением? – Хьюман вздохнул и по-актерски приложил ко лбу руку, а потом разочарованно покачал головой.

– Могу ли я поинтересоваться, поведение какой из девочек насторожило вас, сэр? – затаив дыхание, осторожно спросил Ковард.

– Глория Хай! – громко рявкнул Хьюман.

– Глория Хай? – с сомнением в голосе переспросила миссис Айренстоун, сразу же нарисовав в голове образ этой веселой девчонки с озорным, но очень умным и добрым взглядом.

– Да! Вы тоже заметили ее взгляд?

– Ну... Гм... – замялась та в ответ. – Она... Не совсем, чтобы я обратила внимание на ее взгляд, но... Если мне не изменяет память, она попала в школу три года назад и выпустится ровно через полгода, в июне тысяча девятьсот семнадцатого. Я имею ввиду, зачем ей накликать на себя беду за полгода до выпуска? Она очень умная девочка и...

– Именно умные люди чаще всего и становятся бунтовщиками, вам известно об этом не хуже, чем мне, миссис Айренстоун, – оборвал ее Хьюман, а потом, помолчав, добавил. – Именно от таких людей чаще всего и приходит беда и именно они являются источниками проблем, ложкой дегтя в бочке меда...

– Гм... – смущенно пробормотала миссис Айренстоун и поправила очки. – Никогда не думала об этом... Но ведь Глория Хай прекрасно учится, исправно посещает часовню и...

– Я заведу этой школой восемнадцать лет, и, поверьте, знаю, о чем говорю. Мне уже попадались такие умные выскочки, прилежно учащиеся и исправно посещающие часовню, а последней из них была эта шлюшка, – он кивнул на тело Сюзанны Вермонт. – Но, что касается Глории Хай... – он на секунду задумался, а потом почти выкрикнул. – Бунт!

Жажда смуты! Вот, что я увидел в ее глазах!

Миссис Айренстоун и Ковард обменялись ничего не понимающими взглядами, а Хьюман, прикрыв глаза и положив руку на грудь, коснулся массивного металлического креста, свисающего с его шеи, а потом произнес вполголоса:

– Я ясно чувствую дух бунтарства, зарождающийся в ее душе, – он медленно сжал руку в кулак с такой силой, что суставы его побелевших пальцев сильно хрустнули. – Она готовится доставить нам массу ненужных проблем, попомните мои слова... Кстати! – он открыл глаза и перевел вопросительный взгляд на миссис Айренстоун. – Чего она все время таскает за собой эту инфантильную обрюхаченную малолетку Китти Роббинс? Что их связывает?

– Думаю, общее прошлое, сэр, – уверено ответила миссис Айренстоун.

– Общее прошлое?

– Да, сэр. Китти Роббинс попала к нам в школу будучи беременным четырнадцатилетним подростком, точно так же, как попала сюда Глория Хай три года назад. Девочки сильно сдружились и все свободное время проводят вместе.

– Ах, вот оно что. Как я сразу не подумал об этом? – Хьюман почесал подбородок, а затем строго посмотрел на своих собеседников, переводя пронзительный взгляд с одного на другого. – Присмотритесь к Глории. Чувствую, ох, чувствую, что в ее душе зреет бунт...

Хьюман снова замолчал, как будто тщательно обдумывал

что-то, и тогда Ковард, набравшись храбрости, проямлил, запинаясь и пытаясь правильно сформулировать мысли:

– Надеюсь... Сэр, не сочтите, что я лезу не в свои дела, но... То, что случилось с Сюзанной Вермонт, не должно, по моему скромному мнению, повториться ни с одной из других девушек... Я ни в коем случае не бросаю вам вызов и не подвергаю сомнению вашу власть, но... Боюсь, это не совсем гуманно и... И не совсем характерно для Британии начала двадцатого года...

– Это не ваша забота – принимать решения относительно духовного здоровья девочек, – презрительно усмехнулся Хьюман и смерил Коварда пренебрежительным взглядом. – Ваша задача – следить за их физическим состоянием и должным образом заполнять бумажки об их смерти, если наступает такая необходимость!

– Да, но...

– Мистер Ковард! – повысив голос, произнес Хьюман тоном, не терпящим возражений. – Повторяю, духовные проблемы девочек и пути их решения, это не ваша специализация!

– Тут я не могу с вами спорить, сэр, – сдавшись, ответил доктор, и почувствовал, как по его груди пробежала холодная трусливая дрожь.

Сжав губы, он послушно замолчал и бросил осторожный короткий взгляд на миссис Айренстоун, понимая, что не может перечить человеку, благодаря которому все еще находит-

ся на свободе, а не раскачивается на виселице.

– Неужели нельзя хоронить девушек в соответствии с христианскими традициями? – прошептал Ковард в ухо миссис Айренстоун, которая стояла рядом, а потом, поежившись, застегнул пальто на все пуговицы и поднял воротник: декабрьская погода северного побережья не баловала людей оттепелями.

– Решения о порядке проведения погребальных обрядов принимает лично мистер Хьюман, – холодно отозвалась она, не поворачивая головы. – Естественно, с Божьей помощью.

Ковард с опаской посмотрел на Хьюмана, а потом перевел взгляд на сухощавого старика Картера, разнорабочего школы, который волок по снегу плотный холщовый мешок с телом Сюзанны Вермонт. Не было ни последнего слова, ни молитвы, ни попытки почтить память покойной. Вместо этого Картер просто дотащил мешок до ямы с неровными краями, вырытой им рано утром в мерзлой земле, а потом грубо спихнул его вниз. Заботливый хозяин с большей любовью спускает в подвал мешок цемента, чем этот черствый болван провожает в последний путь забитую до смерти девочку, поморщившись, подумал с отвращением и жалостью Ковард. Тело сорвалось вниз, а через долю секунды из ямы раздался слабый глухой звук, и Картер, даже не перекрестившись, схватил лопату и стал быстро засыпать безымянную моги-

ду мерзлыми комьями слипшейся от холода земли, стараясь, как можно скорее покончить со своим занятием. Вокруг свистел ледяной ветер, срывалась поземка и миссис Айренстоун, подняв глаза к небу, с трудом представила себе, что зима когда-нибудь закончится и до первого весеннего тепла осталось каких-то три месяца. Но удручающие мысли Коварда были заняты совершенно другой проблемой. Сколько за задним двором школы, за кромкой деревьев голой лесополосы подобных безымянных могил, вырытых по приказу Хьюмана за те восемнадцать лет, что он руководит школой? Доктору было страшно думать о десятках, если не сотнях юных девичьих тел, покоящихся в холодной земле, возможно, даже прямо под ним.

– Почему, – пробормотал он себе под нос, с тревогой оглядывая снежный покров вокруг себя, – люди, которые считают себя наместниками Бога на Земле, совершают то, что Господь осуждает?

– Не нам рассуждать об этом, – все так же, не поворачивая головы, равнодушно ответила миссис Айренстоун и перекрестилась. – И не нам спасать души грешниц. Все, что было в наших силах, мы пытались сделать... Может быть, вы, мистер Ковард, испытываете жалость к этим маленьким распутницам?

– Не то, чтобы именно жалость, но...

– Давайте вспомним, – продолжила миссис Айренстоун, глядя, как Картер продолжает засыпать яму землей, – что

Сюзанна Вермонт не была невинной девушкой. Наоборот, она, несмотря на свой юный возраст была грешницей, падшей женщиной, продававшей свое юное тело за деньги. Родители, которых она обокрала и от которых сбежала в поисках вольной жизни, очень уважаемые в обществе люди, прокляли ее и направили сюда для того, чтобы она попыталась исправиться и вернуться на правильный путь, но... Она не хотела возвращаться под лоно Божье.

– Так какой грех она совершила в стенах школы? Разве плеть была единственным выходом?

– Распространение еретических, языческих идей, идущих в разрез с Христианством, недопустимо в этом святом месте!

– Но ведь даже Иисус являлся после смерти своим ученикам!

– Господи, мистер Ковард, что вы несете? – миссис Айренстоун немного округлила глаза и посмотрела на него, как на сумасшедшего. – Иисус не бродил по свету привидением! Он воскрес, то есть его душа вернулась в тело перед вознесением! Вы, наверное, давно не освежали в памяти Священное Писание?

– Я человек науки, миссис Айренстоун, – смущенно оправдался Ковард, переминаясь с ноги на ногу. – И ни разу в жизни не открывал Библию.

– Очень зря! В ней вы нашли бы ответы на многие вопросы и, возможно, не стали бы так сильно переживать из-за смерти Сюзанны Вермонт. Как написал в письме к ее ро-

дителям мистер Хьюман прошлой ночью, судьба их дочери была предрешена с того момента, когда она отреклась от них и от Бога.

– Да он романтик, – поморщившись, пробормотал Ковард.

– Тихо! – прошипела миссис Айренстоун краем рта и с опаской посмотрела на стоящего в отдалении Хьюмана. – Не судите, мистер Ковард, да не судимы будете.

Доктор хотел было что-то возразить ей, но тут от могилы раздался голос Хьюмана:

– Наконец-то тело этой язычницы, богохульницы и распутницы исчезло с моих глаз. Забудем о ней, ведь нам есть, о ком позаботиться – о живых!

После этих слов, он, даже не удосужившись перекреститься, направился в сторону здания, бросив на ходу Коварду:

– Постарайтесь побыстрее оформить заключение о смерти, потому что мне бы очень не хотелось, чтобы внешние силы, не имеющие понятия о том, какое благо мы несем обществу, задавали неудобные вопросы, в случае чего... И, не забудьте, это был сердечный приступ.

– Конечно, – ответил доктор и, чувствуя к себе легкое отвращение за то, что помогает этому чудовищу, очередной поймал себя на мысли о том, что, если бы ему представилась хоть одна возможность покинуть это проклятое место, он бы незамедлительно ей воспользовался.

– Сюзанна Вермонт была не такой уж плохой девочкой, – мрачно произнесла миссис Айренстоун, убедившись, что

Хьюман отошел достаточно далеко. – Немного непослушная, немного своенравная и упрямая, – ее голос на мгновение утих, – не мне судить, но... Она была не безнадежна... У нее был шанс покаяться в своих грехах и вернуться к свету Господню. Жаль, она не смогла использовать этот шанс...

Женщина снова перекрестилась, продолжая смотреть на последнее пристанище Сюзанны Вермонт, быстро засыпаемое острым снегом, и на мгновение доктору показалось, что в ее глазах стоят слезы:

– И все же мистеру Хьюману виднее. У нас нет морального права оспаривать его понимание мира... В этом году мы потеряли двух девочек...

– А, между прочим, до конца года еще почти две недели...
– вздохнул Ковард и вспомнил о Глории Хай.

4

– И чему же учит нас притча о ценности Добродетели в современном мире? – спросил Хьюман у аудитории, неспешно шагая по проходу между партами, и его уверенный голос гулко разнесся по учебному классу. – Попробуем узнать, что Китти Роббинс думает по этому поводу.

Он остановился перед ее партой и навис над девочкой в своем черном одеянии, словно смерть. Китти никогда не отличалась храбростью, а теперь, после созерцания тела Сюзанны, которую она почти не знала, и вовсе боялась поднять глаза, поэтому пригнула голову, словно боялась, что в следующую секунду Хьюман ударит ее и, изо всех сил стараясь не зажмуриться, уткнулась взглядом в лежащую перед ней раскрытую Библию.

Глория взволнованно смотрела на свою робкую подругу, понимая, что та сильно переволновалась и вряд ли будет в состоянии вымолвить хоть слово. Та все еще молчала, затаив дыхание и боясь пошевелиться.

– Мисс Роббинс, вы слышите меня? – ледяным голосом спросил Хьюман и Китти обреченно кивнула. – Я задал вопрос и жду ответа. Вы ведь внимательно слушали, когда я читал притчу вслух? – Китти снова кивнула. – Потрудитесь встать и рассказать нам о том, как вы поняли этот замечательный и очень поучительный рассказ.

Китти собралась с духом и встала, чувствуя, как сильно дрожат ноги, а ее лицо было белым, словно смерть. Положив трясущиеся руки на свой, еще не выпирающий живот, она втянула голову в плечи, прижала подбородок к груди и смотрела на носки своих грубых ботинок.

– Мисс Роббинс, я жду ответ.

Внезапно Китти, закатив глаза, упала в проход лицом вниз, но Хьюман не сделал попытки подхватить ее, а лишь легонько отступил в сторону. Раздался грохот, класс ахнул, а Глория, вскочив со своего места, кинулась к лежащей без движения подруге. Упав перед ней на колени, она потрогала ее холодный и липкий от испарины лоб, а потом пролепетала:

– Китти... Китти, что с тобой?

– Мисс Хай, – раздался хладнокровный и очень медленный голос Хьюмана. – Немедленно займите свое место.

– Пожалуйста, сэр, – взмолилась Глория, глядя на него снизу вверх. – Бедная Китти упала прямо на живот, а ведь в ее положении это очень опасно... Быть может, есть смысл вызвать в класс доктора Коварда?

– Вы решили послушаться меня? – его голос безжалостно резал гробовую тишину, воцарившуюся в классе.

– Но, сэр...

– Я даю вам последний шанс.

Глория, бросив на Хьюмана нехороший взгляд, поднялась на ноги и обреченно вернулась к своей парте.

В классе снова воцарилась напряженная тишина, а Хью-

ман, не шевелясь, стоял и ждал, когда Китти придет в себя. Очень скоро она открыла глаза и обвела пространство вокруг себя безумным взглядом. Глория почувствовала вспышку небывалого облегчения за подругу, но та, не сделав попыток встать, положила обе руки на живот и застонала так, что Глория едва удержалась, чтобы снова не броситься к ней.

– Спящая красавица выходит из своего импровизированного сна, – с усмешкой прокомментировал Хьюман. – Ну что, мисс Роббинс, вы отдохнули? Может быть, теперь вы подниметесь на ноги и ответите, чему учит нас притча о ценности Добродетели в современном мире?

В ответ Китти снова застонала и перекатилась на бок, корчась от боли, а потом пролепетала:

– Сэр... Прошу вас...

– Понимаю, что раздвигать ноги перед залетным гвардейцем гораздо приятнее, чем познавать учение Христово, но, все же, приказываю вам подняться на ноги и дать мне ответ на вопрос, который я задаю вам уже в третий раз, мисс Роббинс.

Китти, не предприняв попыток подняться, продолжала тихонько скулить, свернувшись на полу калачиком.

– Мисс Роббинс, я жду.

– Да прекратите уже издеваться над ней, сэр! – в сердцах воскликнула Глория, не сумев сдержаться. – Ей больно, разве вы не видите?!

– С тобой все в полном порядке, – сказал доктор Ковард, хотя его лицо не покидало озабоченное выражение. – Просто обморок, вызванный, тем, что ты переволновалась.

Китти, которая все еще выглядела ужасно бледной, стерла со щек очередную порцию слез и произнесла дрожащим голосом:

– У меня дурное предчувствие, доктор...

Ковард опустил глаза на ее живот и постарался улыбнуться:

– Повторяю, и с тобой, и с твоим ребенком будет все в полном порядке. Сейчас он спит, впрочем, как и все остальные люди на земле, не может же он все время бодрствовать... Скоро малыш проснется, и ты почувствуешь его приветственные толчки... Необходимости волноваться нет, уверяю тебя.

– Правда-правда? Я не убила его при падении?

– Что за вздор, конечно же, нет! – воскликнул доктор, снова постаравшись улыбнуться, а потом обернулся и с беспокойством посмотрел на закрытую дверь кабинета. – У тебя там чудесный ребенок, живой и счастливый, уверяю тебя!

Ковард замолчал, пытаясь сообразить, достаточно ли убедительным голосом был его голос, когда он успокаивал Китти.

– Но, если он живой и счастливый, почему у вас такой взволнованный взгляд?

– Не обращай внимания. Меня не покидает это выражение лица, даже, когда я ем вкуснейший пудинг, – попытался отшутиться Ковард. – С твоим малышом полный порядок!

– Это не мой малыш, – всхлипнула Китти, и ее нижняя губа дрогнула. – Его заберут сразу же после рождения и это очень печально...

– Гм... – промычал Ковард, пытаясь сообразить, что ответить на это. – Ну... Знаешь... Пока он в тебе, он твой!

– Как вы думаете, мистер Ковард, он попадет к хорошим людям?

– Именно так и будет! Разве может быть иначе? – он снова улыбнулся, потрепал Китти по плечу и подмигнул ей. – Можешь возвращаться на занятия. Все будет просто замечательно!

Когда дверь за ней захлопнулась, Ковард, оставшись в одиночестве, достал из кармана мятый носовой платок и вытер лоб. Он всеми силами гнал из головы дурные мысли, но интуиция подсказывала ему, что он обманул бедняжку Китти Роббинс.

Пронзительный крик разорвал безмятежную тишину спального помещения. Глория резко подскочила и выпрямилась в кровати, оглядываясь в темноте по сторонам и пытаюсь сообразить, что происходит. Вокруг нее тревожно скрипели кровати других девочек и отовсюду слышались взволнованные голоса.

– Что происходит?

– Что случилось?

То тут, то там стали загораться свечи и очень скоро все поняли, кто был виновником этого душераздирающего крика.

Китти Роббинс, накрывшись с головой толстым одеялом, рыдала навзрыд. Девочки окружили ее кровать и загалдели, высказывая недовольство и предположения, касающиеся ее душевного равновесия.

– Тихо! – прошипела Глория, оглядывая строгим взглядом всех собравшихся. – Вы хотите, чтобы здесь оказалась миссис Айренстоун?

– Или сам мистер Хьюман? – благоговейным шепотом добавил кто-то из-за ее спины.

– Ну же, – продолжила Глория, сдернув одеяло с головы Китти и мягко обняв ее за плечи. – Что случилось? Тебе приснился кошмар?

– Я видела ее, – всхлипнула девочка, уткнувшись лицом в плечо Глории, и та отчетливо почувствовала, как сильно дрожит тело подруги, выдавая то, что она, действительно, напугана до глубины души.

– Кого ты видела? – нежно спросила Глория, погладив ее по голове. – Успокойся и расскажи все по порядку.

– Это была она! – оторвав от Глории свое бледное, перекошенное страхом лицо, и оглядев остальных присутствующих, взвизгнула Китти. – Я видела Сюзанну Вермонт...

По спальному помещению пронесся взволнованный шепот.

– Что? – переспросила Глория, надеясь, что ослышалась. – Кого ты видела? Сюзанну Вермонт?

– Чушь собачья, – громко возразила другая девочка – Мод Гринвилл. – Это не может быть правдой! Ты слишком впечатлительна и тебе приснился кошмар.

– Думаешь, я сумасшедшая? – всхлипнула Китти и оглядела собравшихся шокированным взглядом, а потом, с надеждой посмотрев на Глорию, снова разрыдалась. – Я видела ее! Я видела Сюзанну! Она стояла прямо за окном и заглядывала в комнату!

Девочки перевели, как по команде, лица к окну, за которым лунный свет, едва пробивающийся сквозь плотную облачность, тускло освещал унылый заснеженный пейзаж, а Глория, оставив подругу, осторожно подошла к стеклу, с опаской оглядела мрачный двор и поежилась.

Никого. Ни единой души.

Опустив глаза, Глория внимательно оглядела снег, чистой простыней лежащий под окном, на котором не было ни единого следа.

– Вы все думаете, что я дура, – снова всхлипнула Китти. – Но я знаю, что видела ее! Сюзанна стояла за окном и смотрела прямо на меня! Наши взгляды встретились, и она улыбнулась мне... Боже, как меня напугала ее улыбка, я ведь знаю, что она мертва, почему она улыбалась?..

– Ты уверена, что не ошиблась спросонья? – спросила Глория, возвращаясь от окна к остальным и чувствуя, как сильно колотится в груди сердце. – Может быть, это, действительно, был просто страшный сон?

– Нет! Это была Сюзанна, клянусь! – снова заплакала, задыхаясь, Китти. – Я лежала в постели, вокруг было темно, но я сразу узнала ее на фоне лунного света!.. Она была там, клянусь... Она стояла прямо за окном... Она смотрела на меня и улыбалась.

Китти закрыла лицо руками и снова залилась слезами, а потом произнесла сквозь рыдания:

– Зачем? Зачем она приходила и смотрела на меня? Неужели, я следующая?

– Прекрати! – оборвала ее Мод. – С тобой не случится беды в этом намоленном месте, охраняемом самим Всевышним!

– Но ведь с Сюзанной случилось! Помните, она неодно-

кратно заявляла, что видела призрак Аниты Бауэр...

– Замолчи! – снова сказала Мод и строго оглядела девочек. – Держи язык за зубами и молись, чтобы Мистер Хьюман не прознал об этом, иначе тебе очень не поздоровится! – она подозрительно оглядела девочек. – Каждый из нас сам виноват в своих бедах, в том числе, и Сюзанна виновата в том, что так печально кончила...

– Хватит! – оборвала ее Глория, чувствуя, как сердце наливается яростью. – Не говори чушь и не поминай дурным словом ту, которой уже нет!

– Ты не согласна? – Мод с вызовом посмотрела прямо в глаза Глории. – То есть, ты хочешь сказать, что она не сама виновница своей смерти? Уж не хочешь ли ты сказать, что мистер Хьюман не пытался ей помочь, но она отвергла его помощь?

– Я... – начала было Глория, и чуть было не выпалила, что и Сюзанна, и Анита, и еще много других девочек были зверски забиты директором, и глупо не замечать очевидно-го, обвиняя в произошедшем Дьявола, но вовремя сдержалась и, махнув рукой, снова подошла к всхлипывающей Китти и, присев на краешек кровати, легонько дотронулась до ее вздрагивающего плеча. – Китти, милая... Скажи, она просто смотрела на тебя и улыбалась?

Китти кивнула и снова всхлипнула, а потом с опаской перевела заплаканный взгляд на окно.

– А что было потом?

– Потом... Потом я испугалась и подняла крик, а Сюзанна исчезла, словно мгновенно растворилась в воздухе... Пожалуйста, вы должны мне поверить, я бы не стала выдумывать, – она с надеждой оглядела собравшихся. – Сюзанна стояла за окном...

– Мы верим тебе, – успокоила ее Глория и еще раз посмотрела в сторону окна, в надежде увидеть хоть какой-нибудь намек, хотя бы маленькое, едва заметное движение за стеклом, но, конечно же, не увидела ничего, кроме снега и темноты. – Верим...

Остальные девочки, снова забыв об осторожности, возбужденно переговаривались, а некоторые из них с опаской подошли к окну.

– Чушь! – все так же уверенно фыркнула Мод и добавила строгим голосом. – Она просто перевозбудилась за прошедший день! Давайте ложиться спать, девочки!

– Да, девочки, – раздались со всех сторон голоса. – Действительно, давайте тушить свечи и расходиться по кроватям. Уже достаточно поздно и нам всем необходимо выспаться.

Воспитанницы, все еще переговариваясь, стали расходиться по своим кроватям, а Китти, с надеждой посмотрев на Глорию, взволнованно прошептала:

– Ты веришь мне? Пожалуйста, скажи, что ты веришь мне...

– Честно? – произнесла Глория и снова обернулась на ок-

но. – Я не знаю... Я ни разу не встречала привидений, но где-то читала, что души покойников никогда не возвращаются просто так...

– А для чего же они возвращаются? – с неподдельным ужасом спросила Китти, округлив глаза.

– Видимо, что-то важное все еще удерживает Сюзанну в школе... Но вот что?..

Доктор Ковард молча сидел в широком кожаном кресле и смотрел как миссис Айренстоун наливает им по чашке горячего чая. Иногда, после очередного сожженного письма, написанного на имя главного полицейского Шотландии, он заходил к ней, но не потому, что она нравилась ему как женщина, упаси, Господь, а потому, что ему необходимо было с кем-нибудь поболтать, чтобы заглушить одиночество, а кроме того, он чувствовал, что несмотря на свою хладнокровность, в этой суровой даме было что-то человеческое, что-то, что она искусно прятала в самых глубинах души. Человечность, пусть даже самая незаметная – вот чего Коварду отчаянно не хватало все эти два месяца, что он провел в стенах школы, именно поэтому он так цеплялся за миссис Айренстоун и старался поддерживать с ней хоть какие-то отношения.

Вдруг она замерла, вытянулась в полный рост своего грузного тела и прислушалась.

– Что? – взволнованно спросил Ковард и его глаза трусливо забежали по углам кабинета. – Что случилось?

– Все в порядке, – не сразу ответила она и снова склонилась над чашками, добавив в них кусковой сахар. – На мгновение мне почудилось, что я слышу крик из спального помещения девочек, но, должно быть, мне просто показалось. А

если и нет, не стоит обращать внимание на подобные мелочи, ведь многие девушки в таком возрасте время от времени бывают ужасно перевозбуждены.

– Вы имеете ввиду переходный возраст?

– Да, именно так это и называется. Господи, на какую только чушь ни способны современные ученые – обнаружили вдруг у детей переходный возраст, без которого мир прекрасно обходился многие тысячелетия своего существования! – миссис Айренстоун снова выпрямилась в полный рост и самодовольно оглядела наполненные чашки. – Так и зарождается эгоизм в сердцах, а он, как известно, сбивает с верного пути многих людей. Самое лучшее, что мы можем сделать – это воздержаться от любых действий, которые в состоянии подпитывать уверенность воспитанниц в том, что каждая из них – королева, и на первый же крик, вызванный ночным кошмаром, прибегут взволнованные взрослые.

Она села по другую сторону стола и, взяв в руки одну из чашек, уставилась на горящий в камине огонь. Сухие дрова, заготовленные Картером еще летом, дружелюбно потрескивали, что, несомненно добавляло уюта в окружающую обстановку, даже несмотря на угрюмое лицо миссис Айренстоун. Ковард с наслаждением уставился на пляшущие оранжевые язычки пламени и попытался представить, что находится в родном доме. Ах, какой там был камин! Бывало, старик Хью Ковард – его дед, усадит внука на колени перед огнем, гладит ему волосы и травит всяческие байки о своей молодости.

сти и службе в королевском флоте, половина из которых, явно, была выдумана им уже в почтенном возрасте, но Коварду было все равно. Ему было тепло и уютно.

– Вы знаете доктор, – нарушила вдруг миссис Айренстоун молчание, вырвав доктора из приятных воспоминаний. – Я наблюдаю за вами весь сегодняшний день и отчетливо вижу смятение в ваших глазах. Признайтесь, виной этому девчонка, которую мы закопали сегодня утром?

– Я... – осторожно начал Ковард и сделал маленький глоток из своей чашки. – Не знаю, могу ли я быть с вами до конца откровенным, миссис Айренстоун.

– Вы можете попытаться, – горько усмехнулась она в ответ и добавила. – Каждому человеку нужен хоть кто-то, с кем он может быть откровенным, чтобы не сойти с ума.

– А у вас... Есть такой человек?

– А как же, конечно же, есть!

– И кто же он? – с робкой надеждой продолжал расспрос Ковард.

– Я, – коротко бросила миссис Айренстоун, коротко хладнокровно хохотнула и перевела взгляд от огня на ничего не понимающего доктора. – Рассказывайте, мистер Ковард. Кроме меня вам все равно не с кем поговорить. Что вас тревожит?

Тот на секунду задумался, а потом, сделав очередной маленький глоток из чашки, отставил ее на стол.

– Она... Я имею в виду Сюзанну Вермонт, сильно разозли-

ла мистера Хьюмана, это факт... Но... – голос застрял у него в горле, когда он вспомнил куски отошедшей плоти от спины девочки. Ковард видел эту картину мысленным взором несколько раз за прошедший день и знал, что не в силах будет забыть ее никогда. – Адекватным ли было ее наказание?

Миссис Айренстоун вздохнула, отставила в сторону чашку и Ковард впервые в жизни с удивлением обратил внимание на то, как сильно дрожат ее руки. Ему всегда казалось, что эта женщина выточена из камня, но сейчас он сильно засомневался в этом и понимал, что ей очень тяжело сдерживать эмоции.

– В произошедшем можно винить только ее саму, – наконец, ответила она, стараясь говорить, как можно убедительней. – Ведь, если бы не ее неадекватное поведение, то не было бы и неадекватного наказания, вы согласны со мной?

– Да. Но...

– Все воспитанницы с первого дня пребывания в школе знают, что нельзя ставить под сомнение существование Бога даже наедине с собой, не говоря уж о том, чтобы рассказывать о душе другой грешницы которая, якобы, бродит в этом святом месте и жаждет мести. Я предупреждала Сюзанну, что это только вопрос времени, когда мистер Хьюман узнает о ее варварских высказываниях и убеждениях. Вы хоть понимаете, что своими баснями о привидениях Сюзанна сеяла смуту в сердцах остальных девочек и подрывала их веру в Господа, а это ничто иное, как смутьянство.

С трудом сглотнув, доктор кивнул, хотя он, как человек науки, сильно сомневался в существовании Господа.

– Чепуха, которой была набита ее голова... – добавила миссис Айренстоун, покачав головой. – Я, правда, очень боялась за нее и за ее поведение. Она ведь была такой милой девочкой... Не спорю, мисс Вермонт выделялась из толпы быстрым мышлением, хваткой и сообразительностью, имела ярко выраженные лидерские качества, но что так резко изменилось в ее сознании? Почему она стала такой несносной? Не выдержала психологической нагрузки или искусно притворялась, словно змея, пригретая на шее?

Ковард, который все это время не сводил глаз с огня, вдруг произнес:

– Быть может, ей снились кошмары, и она искренне верила в то, что видела... Разве нельзя было отделаться кухонными работами или лишением завтрака в отношении нее?

– Когда Дьявол живет в человеке, – задумчиво ответила миссис Айренстоун. – Мы можем помочь в избавлении от него, но только в том случае, если прокаженный сам стремится к изгнанию Зла из своей души, если он сам борется с ним и пытается впустить в себя Господа. Мы не можем заставить любить Бога, но мы можем подтолкнуть к этому, а в случае с Сюзанной Вермонт... Мне страшно представить, что бы стало с ней после того, как она достигла совершеннолетия и покинула нашу обитель... У нее был шанс облагоразумиться, вернуться на правильный путь и стать в буду-

щем порядочной женой и хорошей матерью, но, такое ощущение, что она жаждала от жизни чего-то другого. Сюзанна Вермонт отвергла нашу помощь, за что и поплатилась жизнью. В ее смерти виновны именно Сатана, завладевший ее душой, и собственная глупость, но не мистер Хьюман.

– Она точно не была глупой, – мягко возразил Ковард. – Сюзанна Вермонт создавала впечатление умной девочки и, уверен, она смогла бы найти свой путь в жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.